Сюрприз для Биг босса

Автор:
Валентина Кострова

Сюрприз для Биг босса

Валентина Кострова

– Это ваша дочь!– Этого не может быть, – спокойно, без каких-либо эмоций отрицает Коршунов.– Вы не верите? Мы можем провести тест на ДНК! Если вы не признаете Веру своей дочерью, я устрою скандал, а вам наверняка он совсем не нужен! – задыхаюсь от злости.– Вера никак не может быть моей дочерью. Я бесплоден.Моя сестра влюбилась в столичного богача. Он бросил ее, узнав о беременности. Через девять месяцев сестра кинула ребенка, не сумев выйти из депрессии. Теперь я намерена, чтобы недобать взял на себя ответственность за малышку. И если потребуется, я ему помогу, несмотря на слова Коршунова о том, что он не может иметь детей.

Валентина Кострова

Сюрприз для Биг босса

1 глава

– Надежда —

Следить за богатыми и успешными людьми сложно. Особенно когда они передвигаются на своих машинах, а ты на своих двоих. Но я вычислила, в каком бизнес-центре работает Богдан Аркадьевич Коршунов.

Человек непорядочный, обманщик и бессердечный ублюдок.

Каких трудов мне стоило в незнакомом городе узнать местонахождение этого типа, неважно, главное, что нашла. Теперь остаётся за малым: проверить, проживает ли Коршунов по тому адресу, что я нашла в столе Лиды.

Лида – моя сестра. Три года назад, после окончания школы, она поступила в столичный ВУЗ, переехала в этот миллионный город. Я радовалась за сестренку и совсем за нее не переживала. Она у меня умница, красавица, спортсменка, но не комсомолка. Все было хорошо, пока на ее пути не попался Коршунов.

Бедняжка влюбилась в этого столичного богача, обо всем на свете позабыла. Итог их отношений логичный: внезапная беременность, расставание, а через девять месяцев Лида родила здоровую девочку. К сожалению, сестра не прониклась теплотой к дочке.

Лида отдала Веру в детский дом.

Хорошо, когда живешь в маленьком городе, где все друг друга знают. Мне позвонили из детдома, просили забрать малышку и образумить молодую мамашу. Когда я вернулась домой с орущей Верой на руках, никого не обнаружила, кроме записки.

Красивым почерком на бумаге Лида призналась, что не любит дочь.

Как можно не любить Верунчика? Да там за одни только щечки можно Богу душу продать. А как она сладко пахнет! Так съесть ее хочется.

Дальше сестра просила прощения у меня за то, что разочаровала, и попросила ее не искать.

То, что Лида оставила дочь и исчезла, меня подкосило. Добила пропажа всех денег, которые я копила. Пусть сумма была не слишком большая, но это была моя финансовая подушка на всякий случай. Случай как раз наступил за день до исчезновения сестры: меня сократили на работе.

Одна я бы выкрутилась. Не пропала. Но с ребенком на руках все становится в разы сложнее. И как бы ни разрывалось мое сердце от жалости к малышке, я понимала, мне ее одной не вырастить.

Я всю ночь думала, что делать. Стала рыться в столе Лиды и нашла бумажку с адресом Коршунова. Его фамилия мне известна, потому что она стоит в свидетельстве о рождении малышки. Отдавать Верунчика в детдом не хотелось, а вот заставить папашу взять ответственность – реально.

Правда, энтузиазм немного поутих, когда в интернете я нашла информацию о Коршунове. Оказывается, птичка-то у нас высокого полета, так просто к нему не подойти. Еще и женат. Гад! Он и в Африке гад.

Я решилась. Попытка не пытка. Купила билет в один конец, собрала необходимые вещи для Веры и двинулась в столицу. У меня не было никакого плана, надеялась, что на месте сориентируюсь.

План родился за минуту.

Буквально за полчаса до приезда Коршунова в офис я выяснила, что его компании требуются сотрудник. Пусть и не умственного труда, но все же. Требовалась уборщица. С завтрашнего дня у меня испытательный срок на пять дней. Этого вполне достаточно, чтобы убедиться в том, что Веру папаша принял. Разговоры-то все равно будут.

Проводив ненавидящим взглядом Коршунова, который только что вышел из машины и стремительно направлялся к бизнес-центру, я отворачиваюсь. Спешу в сторону метро.

У меня есть время до утра, чтобы побыть с Верунчиком.

Как сложатся в дальнейшем наши судьбы, никто не знает. Возможно, я ее больше никогда не увижу. Вряд ли Лида внезапно придет в себя и кинется искать дочь, а этот богатый подонок на пушечный выстрел меня не подпустит к ребенку.

Вздохнув, я ныряю в поток людей, спешащих по своим делам. Сажусь на красной ветке, потом через какое-то время пересаживаюсь на желтую. Еду почти до конечной.

Далеко. Очень много времени тратится на дорогу. Я бы с ума сошла, живя столице. За короткое время пребывания в этом муравейнике поняла одно: этот город не для меня. Я люблю более спокойный темп, люблю, чтобы все было рядом и не нужно было вставать ни свет ни заря, чтобы успеть к девяти на работу.

В квартире, в которой я сняла комнату, на кухне горит свет. Похоже, хозяйка пьет вечерний чай. Милая старушка, которой явно не хватает пенсии для комфортной жизни, раз она на свой страх и риск сдает комнату. И еще не требует денег за полгода вперед, мы договорились на посуточную оплату.

Эту милую хозяйку мне перед отъездом посоветовала коллега, когда узнала, куда я собираюсь уехать. Именно коллега дала мне контакты.

– Марья Ивановна, все хорошо? – спешно разуваюсь, ставлю кроссовки под стул и заглядываю на кухню. Марья Ивановна действительно пьет чай.

– Все хорошо. Только недавно уснула. Я ее покормила с бутылочки, как ты говорила.

– Спасибо большое, – от души благодарю и на цыпочках тенью проскальзываю в комнатушку.

Вера спит, почмокивая губками. Я присаживаюсь на край дивана и разглядываю малышку.

Сложно сказать, на кого она похожа. Есть в ней что-то лидино, есть в ней и что-то… от Коршунова. Я долго разглядывала фотографии в интернете, пытаясь понять, чем зацепил сестру этот гад.

Надменный взгляд холодных голубых глаз сквозь стекла очков вызывает мурашки даже через экран телефона. Опущенные уголки губ говорят о том, что этот человек мало улыбается. Можно сказать, совсем не улыбается. Красивый.

Мужественно красивый. Правда, мне кажется, что на всех фотографиях у него одно и то же выражение лица. Словно застывшая маска, нет ни намека на эмоции.

Сомневаюсь, что Лида клюнула на внешность. Вокруг нее крутились и красивее мальчики. Неужели моя сестричка повелась на кошелек? Не хотелось бы верить, но я понимаю желание молодой девушки жить на широкую ногу. Или она действительно влюбилась и ждала, когда Коршунов разведется? Бедная моя сестренка!

Ложусь рядом с Верочкой, глубоко вдыхаю ее сладкий запах. Запах, которым пахнут только груднички. Незаметно как-то засыпаю, успев натянуть на нас двоих плед.

Это наша последняя совместная ночь.

***

Крадусь по пустому коридору. Чувствую себя воришкой. Стараюсь не попадаться на камеры, а если попадаю, то веду себя максимально естественно.

У меня от страха трясутся руки, а сердце так громко бьется, что будь кто рядом, услышал бы его стук.

Вера спит в переноске. Переноска лежит на дне тележки, которую выдают уборщице со всякими необходимыми приблудами для работы.

Мне везет, уборку нужно начинать с кабинета генерального директора. Точнее, с кабинета Коршунова.

Я планирую оставить переноску в его кабинете и сумку с вещами Веры. Наверняка в кабинете тоже стоит камера, поэтому малышку придется оставить в санузле.

Уверенно открываю дверь приемной генерального, заталкиваю тележку. Сразу направляюсь в кабинет. Замечаю камеру и создаю видимость уборки. Сначала натираю и без того блестящую поверхность дубового переговорного стола.

Смахиваю пыль с рабочего стола, стараясь не нарушить идеальный порядок.

А Коршунов – педант! Ручка к ручке, карандаш к карандашу. Даже записные листы ровной стопочкой сложены. Папки аккуратно лежат с краю.

Аккуратист хренов.

Избавившись от нескольких пылинок, я перемещаюсь к санузлу. Максимально близко к двери ставлю тележку. Мне нужно все сделать быстро, второго дубля не будет. А главное, Вера не должна проснуться.

Едва дыша, я достаю переноску. Адреналин бушует в крови, сердце вот-вот выскочит из груди. Прижимаю ребенка к себе и отползаю назад. Медленно опускаю переноску на пол. Прислушиваясь к Вере, я возвращаюсь обратно к тележке, беру тряпку и спрей для зеркал.

У меня получилось!

Эта радостная мысль сначала окрыляет, а потом опечаливает. Натирая до блеска зеркало, я поглядываю на племяшку.

Пытаюсь запомнить ее. Хочу, чтобы каждая черточка этого личика отпечаталась у меня в душе. Понимаю, воспоминания, как фотографии, со временем потускнеют, но я всегда буду помнить эту сладкую девчушку.

Слезы против воли наворачиваются на глаза. Я шмыгаю носом, поднимаю с пола переноску и ставлю ее на тумбочку. Грустно улыбаюсь, борясь с желанием дотронуться до пухленькой щечки.

Собираю волю в кулак, поправляю одежду на малышке. Подкладываю валики из полотенец с двух сторон. Безопасность так себе, но я рассчитываю, что Коршунов приедет в офис к восьми часам и сразу обнаружит ребенка.

Смотрю на часы и спешно ретируюсь. У меня совсем немного времени, чтобы слинять из кабинета Коршунова и затеряться в другом. Внутри все переворачивается от мысли, что я оставляю Верунчика. Надеюсь, ее папаша не полный кретин и примет на себя обязательства.

Грызя себя за то, что начинаю сомневаться в правильности своих поступков, выхожу из приемной генерального и захожу в соседнюю комнату. Слышу шаги. Замираю, будто меня застали на месте преступления. Спешно закрываю дверь и прислоняюсь к ней спиной. Прикладываю руку к груди, под ладонью припадочно бьется от волнения сердце. Прислушиваюсь. Шаги стихают.

Коршунов?

Смотрю на время. Без пяти восемь. Заявилась птичка ранняя. Теперь я напряжена до предела, жду реакции генерального, когда он обнаружит «подарочек» у себя в кабинете.

Минуты, как назло, тянутся до невозможности долго. Я дергаюсь от каждого шороха, звука. Натираю по второму кругу стол для переговоров, пытаясь за дверью услышать шумиху, суету, но все тихо.

Неужели Коршунов еще не нашел Верунчика?

Я малышку накормила, и если Богдан Аркадьевич не заглянет в санузел, Вера может дать о себе знать часа через два. По мне, лучше пусть она сейчас подаст голос, чтобы я лично увидела, как будут развиваться события, а не гадать, что да как.

Время идет, а до сих пор в коридоре тихо. Я заканчиваю убирать кабинет, выглядываю. Ни души. Выталкиваю тележку и замечаю, что дверь приемной приоткрыта. Когда прохожу мимо, замедляю шаг и разочарованно вздыхаю.

Оказывается, это не Коршунов пришел, а секретарша. Досадливо прикусываю губу, качаю головой. Судя по моим наблюдениям за бизнес-центром, генеральный всегда приезжал на работу к восьми. Сегодня явно что-то изменилось в расписании. Это плохо. Веру надолго нельзя оставлять без присмотра.

Погруженная в невеселые думы, я не сразу замечаю, как мне навстречу идет мужчина, а когда понимаю, кто он, на меня нападает ступор. Коршунов. Впервые я вижу его так близко.

Коршунов, пройдя мимо меня, словно я стенка или предмет мебели, скрывается в своей приемной. Вместо того чтобы идти выполнять свою работу, я мысленно голосую за то, что мне следует тоже вернуться к кабинету генерального. Согласиться с собой одно, а вот привести принятое решение в действие – другое.

Пока я маюсь, набираясь храбрости, мимо меня бегом несется тучный мужчина. Судя по его встревоженному лицу, мне тоже следует бежать за ним следом. Что я в принципе и делаю: оставляю посредине коридора тележку и бегу в приемную. Если меня спросят, почему оставила работу и побежала туда, куда не звали, придумаю причину на ходу.

В приемной никого нет. Ни секретарши, ни тучного мужчины. Прячусь за самым ближним шкафом, который находится возле двери. Если кто-то внезапно выйдет, меня не заметят. Маскировка хромает, но лучше так, чем никак. Я прислушиваюсь к разговору.

– А это что? – удивленно спрашивает мужчина, за которым я помчалась.

– Вот я хочу и узнать, что ЭТО! Выясни, откуда в офисе появился ребенок, кто его принес и приведи этого человека ко мне!

Голос Коршунова. Судя по тону, он явно не рад сюрпризу, который его ждал в туалете. Я прислушиваюсь к разговору.

– Слушаюсь!

Я задерживаю дыхание, втягиваю живот и закрываю глаза. Только по шевелению воздуха понимаю, что из кабинета вышли и меня не увидели. Тишину в кабинете нарушает хныканье Веры, которое переходит в жалкий плач. Малышка проснулась и, наверное, хочет есть или испугалась. Мне хватает выдержки не рыпнуться с места.

– Богдан Аркадьевич, что делать? – беспомощно спрашивает секретарша.

У нее нет детей? Удивительно, как это Коршунов еще не осеменил свою сотрудницу. На работе самая благодатная почва крутить интрижки и беспалевно

изменять.

Вера кричит, а взрослые ни черта ничего не делают, чтобы ее успокоить. Через минуту слышу непонятный звук. Чем-то шуршат. Может, догадались заглянуть в сумку? Я приготовила термос и бутылку со смесью. Судя по тому, как неожиданно смолкает Верунчик, новоиспеченный папаша додумался накормить дочь.

Мне опять приходится втянуть живот, закрыть глаза и перестать дышать. Кто-то возвращается в приемную и спешно заходит в кабинет.

– Богдан Аркадьевич, к сожалению, по камерам не удалось понять, откуда в офисе ребенок. Никто из сотрудников с младенцем не приходил.

А это голос того тучного мужчины. Если он говорит о камерах, видимо, относится к службе безопасности. Если меня не засекли, значит, я прирожденный шпион. Можно и в ФБР подать заявку, вдруг возьмут.

Мои идиотские размышления прерывает громкий голос Богдан Аркадьевича.

– Вызывайте полицию, пусть они разбираются.

Тон резкий, нетерпящий возражений, и сотрудник безопасности сейчас побежит звонить полиции. Значит, заварится каша. Так и хочется сказать, горшочек не вари. Выход один: мне нужно вмешаться.

– Нет! – выкрикиваю на ходу, прячась за спиной тучного мужчины.

Даже храбрецам нужна секунда, чтобы набраться храбрости. Вздох-выдох, я выхожу вперед и смотрю прямо в глаза Коршунову. Он окидывает меня равнодушным взглядом с ног до головы. Я чувствую себя навозным жуком, который попался под ноги этому высокомерному мерзавцу.

Скрещивает руки на груди, иронично приподнимает бровь и тихо спрашивает:

– Вы, собственно, кто?

2 глава

– Вы, собственно, кто?

Коршунов смотрит строго, как директор школы на шкодливого ученика. От его пронзительного взгляда хочется вновь юркнуть за спину тучного мужчины и не отсвечивать. Благо Верунчика уже кормят из заранее приготовленной бутылочки. Теперь нужно убедить Богдана Аркадьевича, что полиция не нужна. Ведь представители закона не будут разбираться на месте, увезут малышку в детский дом и начнется волокита.

– Я уборщица.

– Так идите и займитесь своими прямыми обязанностями, – от отчитывающего тона Коршунова хочется состроить смешную гримасу. Сдерживаюсь, тереблю края служебного пиджака, поглядывая на Верунчика.

– Почему вы все еще здесь? – Коршунов взглядом приказывает мне выметаться из кабинета, но я стою на месте как приклеенная.

– Я тут краем уха услышала, что вы собираетесь вызывать полицию. А зачем?

– Я нечетко выразился? Идите и займитесь своими обязанностями!

Судя по лицам секретаря и мужчины, они удивлены. Чему? То, что их начальник разговаривает со мной на повышенном тоне? А разве начальники не так разговаривают? На моей прошлой работе директор только так орал, еще и с матами.

– Вы ведь убирали утром этот кабинет? – внезапно интересуется тучный мужчина, повернувшись ко мне всем корпусом. Я замираю, как заяц в лесу, на которого открыли охоту.

– Д-а-а, а что? – строю из себя невинную овечку, настороженно косясь на внезапно сосредоточенного Коршунова. Он прислушивается к допросу.

– Вы видели что-то подозрительное в туалете?

Мужчина пытливо меня разглядывает, считывает каждую эмоцию на моем лице. Мне стоит больших усилий контролировать свою мимику, иначе выдам себя с потрохами.

– В туалете была сумка. Я ее не стала трогать, посчитав, что директор ее мог накануне забыть, – на ходу сочиняю сказку. Мне неохотно, но верят.

Вера наелась, и на руках секретарши засыпает. Малышка еще в том возрасте, когда ей главное спать и есть. Поглядываю на Коршунова, он не смотрит в сторону ребенка вообще. О чем-то своем думает, крутя в руках очки. Внезапно часто моргает, каждого оглядывает безучастным взглядом и направляется к своему рабочему столу.

– Ира, побудь с ребенком, пока не приедет полиция. Пусть они разбираются, где родители.

– Стойте! – я делаю несколько шагов, но под тяжелым взглядом голубых глаз спотыкаюсь об свои ноги и останавливаюсь.

Облизываю пересохшие губы, тихо говорю:

– В фильмах показываю, что когда оставляют ребенка, то с его вещами находится записка.

Записка есть. Она лежит в свидетельстве о рождении. Сама лично писала. Сейчас главное, заставить этого сноба подняться со своего места и взять документ, чтобы тут же прочитать письмо от «Лиды». Я на сто процентов уверена, что этого вполне будет достаточно для снятия напряжения, висящего в кабинете.

Коршунов не разочаровывает. Он подходит к переговорному столу, сразу находит свидетельство и берет его в руки. Записку не читает. Его внимание сосредоточено на записи в документе и, судя по тому, как брови сходятся на переносице, что-то ему не нравится. Наверное, имя криво написали.

Сколько бы мы так стояли вчетвером в кабинете, никто не знает, но в приемной начинает звонить телефон. Секретарь недолго думая передает мне Верунчика и убегает на свое место. Я не теряюсь, прижимаю к себе малышку и качаю ее на руках.

– Богдан Аркадьевич… – вдруг напоминает о себе мужчина. Коршунов одним взглядом отпускает его. Мы остаемся вдвоем, не считая спящей Веры.

Богдан Аркадьевич не обращает на меня никакого внимания, возвращается к своему столу, садится. Вновь и вновь смотрит в свидетельство. Там его имя черными чернилами написано в графе «отец».

– Вы точно никого не видели с утра? – как-то устало спрашивает Коршунов, откидываясь в кресле. Он не поднимает глаза, читает записку. Судя по тому, что на лице все то же равнодушное выражение, мои старания в письме его не трогают.

– Я видела, как к лестнице спешила женщина, – сочиняю дальше сказку.

Хочется заставить этого мерзавца вспомнить Лиду. Интересно, сколько у него было женщин после сестры? Он, наверное, лиц их не помнит, не то что имен. Дурит голову молодым девчонкам, вешает лапшу на уши, а потом бросает их. Как они переживают разрыв, вероятнее всего, ему все равно.

– Высокая такая, в спортивном костюме бирюзового цвета. Еще у нее были черные волосы. Мне показалось, что она очень хотела не попасть на камеры. Любовница?

Богдан Аркадьевич морозит меня взглядом, заставляя прикусить язык. На сказку не ведется. И похоже, Лиду не вспомнил. Не мудрено, год прошел после их расставания.

Я подхожу к столу, осторожно перекладываю Веру в переноску, собираю вещи обратно в сумку. За каждым моим действием следят. Пристально так, изучающе. Нервирует до невозможности.

– Вы можете присмотреть за ребенком? – просьба заставляет меня вздрогнуть.

Я оборачиваюсь. Коршунов откладывает свидетельство в сторону, берет в руки телефон.

– Что вы собираетесь делать? – почему-то испытываю страх.

– Вызову полицию.

– Зачем? В свидетельстве все написано четко и ясно, что вы отец! – выпаливаю быстрее, чем успеваю вовремя прикусить язык. Этого вполне достаточно, чтобы Коршунов тут же впился в меня жестким взглядом.

– Откуда вы знаете, что написано в свидетельстве?

Вот это я попала. И не сразу нахожусь с ответом. Коршунов ждет ответа. Терпеливо ждет, словесно не пытает, но всем своим видом подавляет.

– Я предположила.

– Правда? – мужчина иронично приподнимает бровь. – Я что-то очень сомневаюсь, – прищуривается. Смотрит так, словно я преступница и стащила у него миллионы.

– Ваше право сомневаться, – улыбаюсь, нервно заправляю волосы за ухо. – Я могу присмотреть за малышкой до вечера. Или вы позвоните своей жене, чтобы она забрала ребенка?

– Жене? – Богдан Аркадьевич ошеломленно на меня смотрит, а затем встает со своего места и направляется ко мне.

Встает напротив, заставляет смотреть на него снизу вверх. Высокий, черт бы его побрал.

– Кто вы такая? – его взгляд сканирует мое лицо, то ли пытается запомнить на случай составления фоторобота, то ли проверяет, как на детекторе лжи.

– Уборщица. Я сегодня первый день работаю.

– И при этом вы так многое знаете обо мне, – Коршунов наступает на меня, как фашисты на Сталинград.

– Ваше семейное положение ни для кого не секрет, – я упираюсь в стол и чуть ли не ложусь на него.

Мерзавец с холодными голубыми глазами возвышается надо мной как ледниковая глыба.

– Вы всегда при трудоустройстве узнаете семейное положение своего начальника? Или это ваша первая работа?

– Ага, разбежались! Я похожа на малолетку?

Сдуваю со лба прядь волос, неожиданно встречаюсь глазами с Коршуновым и зависаю. Разглядываю невероятно изогнутые ресницы, замечаю, как светлая радужка начинает темнеть. Все же Верунчик – папкина дочурка, как ни крути. Тут и тест на ДНК не нужен.

– А девочка на вас похожа, – тихо замечаю, тем самым разрушая это взаимное разглядывание. Богдан Аркадьевич резко отстраняется и вообще отшагивает от меня назад.

– Вы ошибаетесь в своих выводах. Эта девочка, – он кивает в сторону переноски, где мирно посапывает Вера. – не моя.

– Все мы не без греха. Как один умник мне сказал: все мужчины изменяют, просто мужья, любящие жен, делают это тайком и скрыто. Тут у вас, конечно, вышел обломчик.

– Еще скажите, что знаете, с кем я изменил жене, – ерничает Коршунов, чем злит меня не на шутку. Мой язык – мой враг.

Я режу правду-матку:

– Конечно знаю!

Опять меня рассматривает, как ученый – подопытного кролика. В этот раз спешно отворачиваюсь и проклинаю себя за свою несдержанность. Вот не раз говорили мне, что стоит прикусывать язык, дабы не болтать лишнего.

– И кто это? – спокойно, вкрадчиво спрашивает Коршунов, замирая за моей спиной. Я затылком чувствую его присутствие. Он сейчас напоминает мне затаившегося хищника, который готов напасть в любую минуту.

Что делать?

Отрицать бессмысленно. Если буду врать дальше, окончательно запутаюсь, и потом вообще не найду концов своей лжи.

Сказать правду?

Страшно до икоты. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы не понимать последствия. Коршунов сотрет меня в порошок и развеет его где-нибудь в области. Поминай как звали.

Я смотрю в глаза Богдану Аркадьевичу. Набираюсь храбрости, как перед прыжком с тарзанки. Сначала задерживаю дыхание, а потом медленно выдыхаю.

– Лида – моя сестра.

– Лида? – опять хмурится. Словно силится вспомнить, кто такая Лида. Бесит до невозможности. – Это, я так понимаю, мать этой девочки?

– У этой девочки есть имя – Вера, и она ваша дочь. В свидетельстве об этом четко написано. Или вы думаете, что отец Веры полная ваша тезка? – задумываюсь, а потом спешно залезаю в карман рабочих брюк и достаю бумажку.

Протягиваю ее Коршунову.

– Этот адрес я нашла у Лиды в блокноте. Сестра оставила дочку в детдоме. Мне позвонили и попросили забрать Веру. А когда мы вернулись, Лида исчезла.

– Это мой домашний адрес, – Богдан Аркадьевич возвращает мне бумажку. – Но я не знаю никакой Лиды.

– Конечно, – понимающе киваю головой. – Вряд ли вы помните, с кем проводили время год назад.

– Послушайте… – голубые глаза опускаются мне на грудь. Вероятнее всего, ищет бейджик, чтобы узнать имя.

У меня его нет, поэтому Коршунову приходится вздохнуть и поджать губы, а я сладким голоском представляюсь:

– Меня зовут Надя. Надежда.

– Так вот, Надежда, я не знаю никакой Лиды. Более того, я не изменял жене и… – тут чего-то осекается, вновь поджимает губы, а затем резко отворачивается.

Хм. Кажется, у этого красавчика проблемы в семейной жизни. Женушка узнала, что благоверный изменяет? А вдруг Лида не единственная, кто родила от него ребенка? Учитывая, что у него политика «поматросил и бросил», мои домысли вполне могут претендовать на жизненность.

– Вы можете забрать ребенка и уходить. Вас никто не задерживает, – Коршунов стоит возле окна. Что-то в его позе цепляет, потому что я непроизвольно дергаюсь в его сторону. Одергиваю себя. Вот сочувствовать ему меньше всего надо.

– Как это уходить? Нет, я не могу Веру оставить у себя, у меня просто нет для этого ресурсов. А вы можете обеспечить ее и достойно вырастить. Лида, конечно, дурочка, что оставила ребенка. У нее затяжная депрессия после вашего расставания, без понятия, где ее черти носят. Я буду скучать по Верунчику, но считаю, что растить ее должны родители, – смотрю на племяшку и ласково ей улыбаюсь. Я правда буду скучать по этой булочке.

– Надежда, прекратите нести чушь, – Богдан Аркадьевич злится. Это слышно по его тону. Я затыкаюсь, ибо нечего сердить хищника и дергать его за усы.

– Уходите по-хорошему, пока я не вызвал полицию. У меня совершенно нет времени с вами разбираться. Выход, я надеюсь, помните, где находится.

– Это ваша дочь! – запальчиво выкрикиваю.

– Этого не может быть, – спокойно, без каких-либо эмоций отрицает Коршунов. Выдержка у него вызывает зависть.

– Вы не верите? Мы можем провести тест на ДНК! Если вы не признаете Веру своей дочерью, я устрою скандал, а вам наверняка он совсем не нужен! – задыхаюсь от злости, от невозмутимости Коршунова. Что за непробиваемый болван!

– Вера никак не может быть моей дочерью. Я бесплоден.

Его признание меня оглушает не хуже разорвавшегося рядом боевого снаряда. Как это бесплоден? Это значит, что он не может иметь детей? Но как так?

– Это шутка? – сдавленно спрашиваю у невероятно хладнокровного Богдана Аркадьевича.

Мне не хватает воздуха, когда вижу, как он качает головой.

– Не верю. Это ошибка!

– К сожаленью, нет. Поэтому, прошу вас, покиньте кабинет по-хорошему, – Коршунов направляется к столу, садится за него и демонстрирует увлеченность работой.

Я не спешу хватать спящую девочку, вещи и убегать сломя голову. Я просто не знаю, как и что мне делать дальше. Плана Б у меня не было, был только план А, где Веру признают и радостно принимают в семью.

– У меня условие, – подхожу к столу и решительно смотрю на Богдана Аркадьевича.

Он поднимает глаза. Через линзы цвет становится насыщеннее и глубже. Не глаза, а мечта!

– Давайте сдадим тест. Если он окажется отрицательным, я забираю Веру и исчезаю из поля вашего зрения. Если тест будет положительным, вы признаете Веру дочерью, а меня берете в качестве няньки на пару лет, – обворожительно улыбаюсь. Вижу, что мое предложение не по вкусу.

– Хорошо. Завтра сдадим тест, но клинику выбираю я.

– Да мне все равно. Тогда до завтра, – выдергиваю из стакана карандаш, разрушаю идеальную стопку записных листочков, пишу свой номер. Протягиваю ее недовольному Коршунову.

– Созвонимся!

3 глава

Ночка выдалась странной. Я вроде спала, а вроде нет. Меня постоянно преследовало ощущение неправильности происходящего. Верунчику тоже было неспокойно. Все кряхтела и поскуливала. Итог этой ночи: полная разбитость и упадок сил.

Кое-как запихав в себя бутерброд с кофе, читаю эсэмэс-сообщение от Коршунова, присланное в пять утра. Пять утра, Карл! Человек вообще спит?

Богдан Аркадьевич скинул адрес клиники, куда стоит заявиться в девять утра. Я прикидываю в уме время на дорогу, посмотрев по карте, сколько километров от меня до клиники. Если вызвать такси, в теории мы приедем к девяти, выйдя из дома за полчаса, но я уже пожила в столице и знаю, что на практике ничего подобного не выйдет. Пробки никто не отменял. Я выбираю метро.

Собираю необходимые вещи для Веры. Когда тест подтвердится, у меня будет возможность сложить в потертый чемодан скромные наши пожитки и переехать в шикарный особняк Коршунова. Чуйка у меня, что у этого сноба идеальный, как

с картинки, вылизанный до блеска дом. Его рабочий стол тому подтверждение, где все на своих местах, и ни единой пылинки.

Единственное, что меня тревожит – это жена. Не хочется быть свидетельницей разборок между супругами. Надеюсь, что Коршунов знает, как утихомирить супругу и сделать ее ласковой, чтобы она приняла Верунчика. Иначе я порву ее на части, как британский флаг.

Думы думами, но нужно бежать. С ребенком на прыткость нечего рассчитывать. Малышку в переноску, переноску на одно плечо, сумку на другое. Хозяйке квартиры не кричу, знаю, что та любит поспать подольше, поэтому тихо закрываю дверь.

Сначала мы бежим на автобусную остановку. Меня пропускают. Недовольно, неохотно, но все же и место уступают в переполненном автобусе. Потом галопом несусь к метро. Там тоже не задерживают. Постоянно проверяю время на часах. Важно не опоздать.

Метро, толпа спешащих людей, душные вагоны. Вера не вовремя просыпается и заходится в неудержимом плаче, раздражая и так раздраженных пассажиров. Ловлю осуждающие взгляды, в них так и читается «нехай переться с дитем в метро в такую рань».

Когда я в очередной раз сверяюсь со часами, понимаю, что немного опоздаю. Вера замолкает, успокоившись с соской, но я не уверена, что это надолго. Она может зайтись в плаче в самый неподходящий момент. Например, во время забора биоматериала.

Коршунова замечаю еще издалека. Он стоит возле машины, у которой на солнце аж блестят бока от полировки. Высматривает нас. Я даже на расстоянии замечаю, как поджимает губы, когда видит меня с Верунчиком. Демонстративно смотрит на часы и качает головой.

– Даме положено опаздывать на пять минут, – замечаю вместо приветствия.

Коршунов недовольным взглядом окидывает меня с ног до головы и прямиком направляется к крыльцу клиники. Вот хамло!

В клинике нас встречают как родных. Лучезарно улыбаются. Не мне. Коршунову. Я словно невидимка, никто на меня не обращает внимания. Ну и ладно.

Пользуясь моментом, кладу переноску на пуфик, а из сумки достаю термос с бутылочкой. Взбалтываю его и замечаю рядом Коршунова. Я смотрю на него снизу, в очередной раз отмечая, какой же он высокий, если сидеть на корточках.

– Покормить надо, а то будет капризничать, – зачем-то объясняю этому товарищу свои действия.

Он мажет взглядом по Вере, совсем не проявляя интереса к ребенку. Вот кусок льда! Так и хочется его треснуть, чтобы выказал хоть какие-то эмоции к малышке. Ребенок не виноват, что у него такие придурковатые родители.

– Позже покормишь. Нас сейчас позовут для анализа.

– А когда будет результат?

– Сегодня вечером.

– Так быстро! – удивляюсь я.

Все время думала, что тест на ДНК делают минимум сутки, но видимо, сейчас технологии дошли до того, что могут выявить родство за несколько часов.

– А чего тянуть? – в голосе Коршунова совсем нет эмоций.

Он какой-то заторможенный. Точнее, эмоциональный инвалид. Я таких людей не люблю, не умею с ними общаться. Послушно прячу бутылочку, достаю Веру из переноски и улыбаюсь ей. Она улыбается в ответ.

– Скоро нам будет четыре месяца, меньше будем спать, больше бодрствовать, – воркую над племяшкой, поглядывая на Богдана Аркадьевича. Он хоть и не приближается, но смотрит на нас.

– Вы любите детей? – интересуюсь.

Вдруг Коршунов ненавидит младенцев, именно поэтому у него с женой нет детей. В то, что он бесплоден – я не верю. Ну где это видано, чтобы богатый красавчик вдруг стал неспособным произвести на свет наследника.

– Не задумывался о них.

– Я думаю, из вас получится отличный папочка, – поворачиваюсь так, чтобы Вере был виден папаша, а ему видна дочурка.

– Почему вы уверены, что я отец? Я вашу сестру в глаза не видел.

– Да-да, конечно, прошло много времени, а вокруг вас полно людей, нечего помнить каждого в лицо.

Неловко достаю телефон, нахожу фотографию Лиды и протягиваю мобильник Коршунову. Он с большой неохотой берет его в руки и разглядывает фото. На лице ноль эмоций. Ни шока, ни радости. Ничего.

– Это моя сестра.

– Я понял. Ты старшая или младшая?

– Старшая. Мы погодки, в детстве часто принимали за двойняшек. Вспомнил ее?

– Я ее не знаю, – повторяет свою шарманку Коршунов, возвращая мне телефон.

Зарядить бы ему в лобёшник мобилкой, да боюсь, что расшибу ему голову. А за этим не заржавеет, подаст в суд и начнется тягомотина. Что за неприятный тип. В сотый раз поражаюсь вкусу сестры, я бы таких мужиков за километр обходила стороной. Но у нас с Лидой всегда была разные вкусы на мальчиков.

– Богдан Аркадьевич, мы вас ждем!

Рядом с нами внезапно оказывается молоденькая медсестра. Меня не замечает. Мы с Верой вновь невидимки. Коршунов вежливо улыбается девушке.

Улыбка так себе, люди умеют и приятнее улыбаться, но медсестричка сияет как начищенный самовар. Ой, дуреха! Неужели не до кумекала своей головкой, что за человек Коршунов, раз тут находится с ребенком для анализа ДНК. Впрочем, какое мне дело. Коршунов опытный ловелас, выберет себе по вкусу и по душе новую наивную глупышку.

И когда парочка отходит, мы с Верунчиком идем следом. Нам лично все равно, кто у нас будет брать мазок, главное результат. А результат будет вечером. А до этого нужно пережить день и не сойти с ума. Интересно, Коршунов нас сразу перевезет к себе или момент переезда предстоит еще обсуждать?

В кабинете забора материала нас ждут. Сначала берут у Коршунова мазок. Он морщится. Похоже, ощущения не очень приятные. Я волнуюсь на то, как отреагирует Верунчик на чужих людей. Она еще крошка. К моему удивлению, малышка даже не поморщилась.

Облегченно выдыхаю, вылетаю из кабинета. Видимо оттого, что толком не завтракала и жутко перенервничала, желудок жалобно урчит. Напрягаюсь, когда обнаруживаю рядом Коршунова. Мне отчего-то казалось, что он уйдет по-английски и только вечером позвонит для сообщения результата.

Богдан Аркадьевич смотрит на Верунчика, а Вера смотрит на него. Разглядывают друг друга так пристально, словно сканируют. Малышка не начинает плакать, выражая свое отношения к чужому дяде. Сам Коршунов, кажется, улыбается. Если один приподнятый уголок губ можно считать за улыбку, конечно.

– Как вы смотрите на то, чтобы вместе позавтракать? – Коршунов переводит с ребенка взгляд на меня.

Серьезный, немного хмурый, хочется протянуть руку и разгладить морщинку между бровями. А еще эти глаза сквозь стекла… Голубые глаза, красивые.

– Что? – переспрашиваю, сомневаясь в правильности вопроса.

– Я утром не завтракал, думаю, вы тоже.

– Ну я кофе и бутерброд закинула в себя.

– Поэтому предлагаю ланч. Я плачу, если переживаете по поводу счета, – в голубых глазах внезапно вспыхивает искорка смеха. Это так неожиданно, что я теряю дар речи на мгновение.

– Еще чего! – торопливо фыркаю, сосредотачиваясь на Вере.

– Тогда едем завтракать, – Коршунов подхватывает сумку с вещами малышки, терпеливо ждет, когда я справлюсь со своим ступором.

Мы идем рядом, Богдан Аркадьевич предусмотрительно открывает все двери, а если я вдруг спотыкаюсь, придерживает за локоть. Меня от этих прикосновений берет дрожь.

Почему я так остро реагирую на этого человека?

Ответа у меня нет. Я чувствую себя немного зажатой. Не расслабляюсь ни на минуту. В машине постоянно ловлю взгляд Коршунова в зеркале заднего вида. Стараюсь не пялиться на его затылок, а Коршунов наверняка тоже ощущает мой взгляд на себе.

Мы приезжаем в не в кафе, а в небольшой ресторан европейской кухни. И тут меня удивляет Богдан Аркадьевич: он первый выходит из машины, спешно обегает ее спереди, чтобы помочь мне вылезти. Опять прикасается, опять меня прошибает. Мне совершенно не нравится эти непонятные, не поддающие объяснению чувства.

– Вы часто тут завтракаете? – хочу переключить внимание Коршунова на что-то нейтральное, ибо его касания, его странные взгляды, которые я не умею толковать, ставят меня в тупик и нервирует. Не хочу быть неврастеничкой.

– Тут вкусно кормят не только по утрам. Это один из первых моих проектов, в который я рискнул вложить деньги, когда появились лишние. Уверен, вам понравится.

– Не сомневаюсь, – я отваживаюсь нормально улыбнуться Коршунову. Он в принципе неплохой, если закрыть глаза на то, как поступает с девушками, с которыми встречается.

– Там и стульчики для детей есть.

– Боюсь, Веру еще рано сажать в стульчик, – смотрю на Верунчика, она увлеченно разглядывает небо.

– Я не очень по детям, мне проще разобраться в финансах, – Богдан Аркадьевич делает приглашающий жест в сторону ресторанчика.

– Ничего страшного, у вас будет время все узнать.

И пусть я на сто процентов уверена в положительном результате, небольшой червячок сомнений точит изнутри. Что если Лида просто пересекалась с Коршуновым, а залетела совершенно от другого мужчины? Такой вариант мне приходит в голову только сейчас.

Для человека, который постоянно гуляет на стороне от жены, Богдан Аркадьевич спокоен и уверен в себе. Я уже ругаю себя за импульсивность и за то, что досконально не проверила информацию о Коршунове. И оправдаться нечем, если только тем, что деньги тают как снег под солнцем, а Верочка не будет ждать, когда у тети появится копейка на смеси.

Отогнав внезапно нахлынувшие неприятные мысли, я вместе с Богданом Аркадьевичем захожу в ресторан, где нас приветливо встречают и провожают к столику возле окна.

Пока Коршунов изучает меню, я пристраиваю Веру на соседнем стуле и развлекаю ее погремушкой. Правда, племяшка сонно моргает и, кажется, что скоро заснет.

– Что вы будете? – Коршунов поднимает на меня глаза.

– Я всеядна, поэтому берите на свое усмотрение.

– Хорошо.

Официантка, подойдя к столику, принимает заказ. И судя по перечислению блюд, Богдан Аркадьевич явно голоден не на шутку. Чувствую очередной спазм желудка и слюни во рту.

– Расскажите о себе, пока будем ожидать заказ, – просит Коршунов. Кладет руки на стол, сцепляет их в замок и внимательно на меня смотрит. Я словно на собеседовании по приему на работу.

– У меня скучная биография, – предупреждаю сразу.

Рассказываю без эмоций.

Я незапланированный ребенок. Маме было двадцать, а отцу двадцать три. Молодые и дурные. Родители меня почти сразу же после рождения скинули на бабушку. А вот Лида была плановым ребенком, несмотря на то что родилась следом за мной, через полтора года. Я по-прежнему росла с бабушкой, а сестра – с мамой и папой. Иногда меня забирали на выходные. Конечно, я обижалась на родителей, на сестру, но позже научилась не заострять внимание на обидах.

Бабушка умерла, когда мне было десять. Волей-неволей маме с папой пришлось меня забрать к себе. Но помнила, что меня не очень ждали, поэтому старалась никого не напрягать. Училась хорошо, не отличница, но в школу к директору родителей не вызывали.

Вот Лида доставляла всем жару. Она росла избалованной, капризной и требовательной. Ей все спускали с рук. Дома за ее косяки получала я. При этом папа не уставал повторять, что я в ответе за сестру, я обязана, как старшая сестра, быть к Лиде снисходительной, уступать ей и помогать по первому требованию. Именно из-за сестры я после школы поступила в техникум, а не в институт. Потому что высшее образование получить достойна была Лида.

Родители погибли в автокатастрофе буквально через неделю после того, как сестрица поступила в университет. Я и так всегда чувствовала себя ответственной за Лиду, а после того, как мы остались одни друг у друга, это чувство усилилось. Теперь вот я в ответе за Веру.

– Ты сестру не искала? – осторожно спрашивает Коршунов.

Я не отвечаю, потому что нам приносят заказ и расставляют тарелки. Когда остаемся вдвоем, я вздыхаю.

– Мобильник отключен. Возможно, поменяла номер телефона. В полиции послали далеко и подальше, сказав, что Лида объявится сама, когда посчитает нужным. Город у нас небольшой, все друг друга знают.

– А что про меня твоя сестра рассказывала? – пронзает меня своими глазами.

Я ковыряюсь в тарелке, пытаясь вспомнить, что Лида говорила о Коршунове. К своему стыду, ничего не смогла вспомнить, потому что сестра особо не делилась подробностями.

– Ничего, – признаюсь. – Имя отца ребенка не называла, я его в свидетельстве Веры прочитала. Когда Лида исчезла, рылась в ее столе и нашла бумажку с адресом.

– Ясно, – Коршунов еле заметно улыбается. – Ешь, а то остынет, – кивает на мою тарелку.

Я прищуриваюсь. Богдан Аркадьевич непробиваем как танк. Его мысли невозможно прочитать ни по глазам, ни по мимике. Он полностью контролирует себя. И чем больше я на него смотрю, что тем сильнее начинаю колебаться.

А что, если в свидетельстве записан полная тезка Коршунова? Но как объяснить бумажку с адресом? Не знаю, может быть, случайно его узнала. С каждой минутой я все больше и больше начинаю сомневаться.

– Богдан Аркадьевич… – запинаюсь, как только на меня устремляются невозмутимые голубые глаза. – А что, если вы окажетесь правы, что будет?

Коршунов задумчиво разглядывает мое лицо. Не задает уточняющих вопросов, а меня начинает разрывать на части от неизвестности. Я не доживу до вечера.

– Нам нужно дождаться результатов. После этого примем решение.

4 глава

Остаток дня и вечер я прокручиваю наш ланч с Коршуновым. Кручу в голове запоздалые мысли, которые должны были возникнуть у меня сразу, как исчезла Лида, а не после того, как наделала делов.

Дергаюсь от каждого звука своего мобильника. С колотящимся сердцем читаю эсэмэс, а потом разочарованно вздыхаю. Богдан Аркадьевич не торопится оповещать меня о результате. Когда стрелки часов переползают полночь, я понимаю, что мне никто ничего сообщать не планирует.

Злюсь на себя за чрезмерно завышенное ожидание. Злюсь на Коршунова, что треплет мне нервы. Я ведь не усну, буду гадать, какой же результат прислала клиника. Все же стоило настоять и оставить свою электронную почту. Почему умные мысли у меня возникают с огромным опозданием?

Смотрю на спящего Верунчика. Пока она малышка, хочется максимально устроить ее жизнь. В идеале с мамой и папой. Только вот где маму черти носят, загадка. Кто на самом деле папа – тайна, покрытая мраком. Я сейчас с трудом представляю, чем Лида могла зацепить Коршунова. Он не производит впечатление легкомысленного мужчины. Наоборот, я бы сказала, что он кремень.

Стиснув зубы, я достаю из-под подушки мобильник. В который раз набираю номер телефона сестры, и в который раз слушаю механический женский голос, сообщающий, что абонент не абонент.

Понимая, что сна ни в одном глазу, встаю с дивана и залезаю на подоконник. Обнимаю колени, уткнувшись в них подбородком. Смотрю на ночную столицу. Даже в столь поздний час город гудит, город не спит. И в этом огромном мегаполисе я чувствую себя маленькой песчинкой, пылинкой, никому не нужной.

Прикрываю глаза. Это чувство ненужности гложет. Оно сжирает меня давно, как раковая опухоль. Из года в год надкусывает меня изнутри. Чувство ненужности, живущее со мной с рождения, не позволяет мне строить серьезные отношения. Я

дико боюсь, что привяжусь к человеку, а он меня бросит. Поэтому я одна.

Если вдруг Богдан Аркадьевич окажется ни при чем, я вернусь домой. Придумаю что-нибудь для Веры. Отдавать ее в приемную семью не хочется, но головой понимаю, я не настолько независима в финансах, чтобы тянуть ребенка одной. У меня-то и работы сейчас нет никакой.

Кем я могу работать с ребенком на руках, которому до ясельной группы расти и расти?

Фрилансером. Как когда училась в школе, потом в техникуме вела молодежную колонку. Шедеврами не блистала, но было читабельно. Меня даже приглашали на работу в местную газетку, но я посчитала, что это ерунда. Сейчас писать статьи на заказ кажется выходом, светом в конце тоннеля.

Квартира есть. За съем платить не нужно, ежемесячные платежки по силам потянуть. В еде я неприхотлива, лобстеров не ем, икру ложками тоже, поэтому мне вполне будет достаточно обычной продуктовой корзины. И пока Вера маленькая, не требует кучу вложений, я смогу откладывать.

Конечно, в опеке закроют глаза, найдутся добрые люди, готовые помочь. Маленький город, все друг другу если не родня, то близкие друзья или хорошие знакомые. Есть и недоброжелатели, которые будут пыхтеть да слухи распускать, то это мелочи.

Нарисовав себе в голове радостное будущее, я понимаю, что это сказка. Подобная история может случиться в книге или в фильме. В конце бедная героиня непременно встретит принца на белом лимузине. Коршунов на вакансию принца не тянет. Да и я на бедную, несчастную, затюканную мадам с младенцем тоже не смахиваю.

Неожиданно на телефон приходит эсэмэс. Коршунов. Я изумленно разглядываю сообщение, не решаясь его открыть.

Чего это его торкнуло? Нашел свободную минутку сообщить мне результат? Раньше типа некогда было?

Я вспоминаю, что мужик женат, возможно, тест положительный, совпадение девяносто девять процентов, и Богдан Аркадьевич подготавливал благоверную шокирующей новости. Не каждая жена готова принять нагулянного со стороны ребенка, учитывая, что для нее муж бесплоден. Хотя у них может быть просто несовместимость.

Теряясь в догадках, открываю эсэмэс. Там вопрос: «Спишь?». Почесав лоб, печатаю «Нет». И не проходит двух секунд, как в руках начинает вибрировать мобильник.

– Алло, – шепотом отвечаю.

– Извини, что так поздно, – звучит уставший голос Коршунова на другом конце провода.

Мы молчим, слушаем дыхание друг друга. Это так странно. Почему-то уместно и не напрягает.

– Все в порядке? – осторожно спрашиваю, понимая, что Богдан Аркадьевич неспроста звонит в такой поздний час. – Тест подтвердил отцовство?

– Собирайте свои вещи, завтра переедете ко мне домой, – его слова красноречивее простого «да».

Я все еще помню, что на горизонте есть жена, и ее реакция на новость тоже важна.

– Вы супруге сказали о ребенке?

Коршунов не спешит с ответом. Вслушиваюсь в тишину трубки и пытаюсь представить, в каком состоянии Богдан Аркадьевич. По голосу не догадаешься, какие чувства его обуревают. Сдается мне, даже если он сейчас беснуется от правды, ни тоном, ни мимикой не выдаст внутренний ураган. Пусть мы знакомы совсем немного, но я уже поняла, что этот мужчина привык эмоции свои подчинять контролю.

– После семи я заеду за вами.

Богдан Аркадьевич мастер игнорировать вопросы. Точнее, он не считает нужным отвечать на вопросы. Ну да, какое мне дело, как отреагировала его супруга. Раз он завтра отвезет меня и Веру к себе домой, значит, на семейном совете все обсудили. И все равно внутри неприятно скребется. Я словно вторгаюсь на территорию неприятеля, где каждый метр заминирован. Не знаешь, где рванет.

– Хорошо, мы будем готовы.

– Спокойно ночи, Надежда.

– Спокойно ночи, Богдан Аркадьевич.

Щелчок и разговор завершен. Я добилась своего. Только не чувствую себя победительницей.

***

Коршунов с утра присылает инструкции. Напоминает мне о том, чтобы я не забыла документы. Еще было указание перед поездкой накормить Веру, чтобы громко не плакала, не отвлекала его от вождения.

А ведь у него водитель есть. Я его видела, когда следила. Наверное, соединение с дочерью для Коршунова личный момент, не для посторонних глаз.

Про то, как себя вести, когда прибудем, ни слова. О жене тоже молчит, а я трусливо не спрашиваю. В воображение рисую счастливую картинку семьи для Веры, а внутри все переворачивается от плохого предчувствия.

Вдруг жена Коршунова не примет Веру. Будет к ней холодна, равнодушна. Малышка ведь не поймет, почему мама так к ней безразлична. А я ведь вечной няней для Верунчика не буду, только год-полтора, несмотря на то что Богдана Аркадиевича просила на пару лет.

Заставляю себя собирать вещи, ничего не забыть. Верунчик, словно чувствуя изменения в своей жизни, капризничает, не слезает с рук. Только утихнет, только положу ее на диван, заходится в плаче, который разрывает сердце. Когда она засыпает, я со скоростью света запихиваю наши вещи в чемодан и

проверяю документы. Если барахло можно купить в магазине, то вот с документами надо быть внимательной. Их не так просто восстановить.

К семи часам мы готовы и нетрепливо ожидаем папочку. Развлекаю Веру, подходя с ней на руках к окну. Она все разглядывает, улыбается. Вряд ли что-то осознает, но вид очень сосредоточенный.

Темные волосики подросли, начинают виться. Глаза голубые-голубые. Заглянешь в них и пропадешь с концами.

Сладкая булочка. Я услышу первые слова. Я увижу ее первые шаги. Я буду ее держать крепко за руку, не дам ни оступиться, ни упасть. Я буду ее защищать как умею, как смогу.

Вздрагиваю, когда слышу вибрацию мобильника. Спешно подхожу к дивану, читаю сообщение. Коршунов нас ждет внизу. Мог бы спросить номер квартиры, подняться и помочь с вещами, но видимо, это выше его королевского достоинства.

Тепло прощаюсь с Марьей Ивановной. Старушка желает нам добра и счастья. Я ей крепкого здоровья. Вряд ли мы когда-нибудь увидимся, поэтому поддаюсь порыву и щедро оставляю на полке несколько купюр. Больше того, что должна заплатить за комнату.

Как-то быстро приходит лифт, стремглав нас опускает на первый этаж. Держа в одной руке переноску с Верой, которая не вовремя начинает хныкать, в другой чемодан и на плече сумка, выползаю на улицу. Ко мне сразу же спешит Коршунов.

Не будь я загружена по макушку, заценила бы отлично сидящий по фигуре Богдана Аркадьевича серый костюмчик, блестящие, без пылинки, черные туфли, идеальную укладку темных волос, стильные очочки на его аристократическом носу. Прям с обложки глянцевого журнала явился. Еще и машина ему под стать. Такая же стильная, дорогая и не уместная в этом простом дворе среди панельных высоток.

– Давайте помогу, – Коршунов перехватывает у меня чемодан и сумку.

– Могли бы подняться, – недовольно замечаю. Меня награждают странным взглядом, который и толкованию не поддается.

Богдан Аркадьевич закидывает в багажник наши вещи, неторопливо подходит к задней двери и распахивает ее. Я удивленно замечаю детское автокресло, вопросительно смотрю на мужчину.

– Это автокресло, – поясняет, как для дурочки, Коршунов.

– Я вижу. И я знаю, что это такое. Но зачем?

– А вы не в курсе, что перевозить ребенка без автокресла нельзя? Первый же сотрудник ДПС выпишет штраф.

– В нашем городе никто так строго не соблюдает это правило.

– Это в вашем городе, а у нас в столице все дети ездят в автокреслах независимо от того, сколько им лет.

– Вера ни разу не ездила в таком кресле.

– Когда-то надо начинать. Сажайте ребенка.

– Она будет плакать и отвлекать от дороги. Может, в другой раз?

– Нет! – категорично не соглашается Коршунов, не терпящим возражений тоном.

Я сдаюсь. Понимаю, что он прав. Наш провинциальный городишко не столица, дураков на дорогах хватает, только вот Вера может действительно с непривычки сиреной орать всю дорогу.

Под цепким взглядом голубых глаз вытаскиваю Веру. Осторожно, наблюдая за её реакцией, кладу в автокресло. Пристегиваю ремнями. Верунчик морщится, вот-вот начнет плакать. Спешно достаю из переноски соску и затыкаю рот племяшке. Протестующий крик стихает, так и не начавшись.

– Садитесь с другой стороны, рядом с ней, – командует Коршунов.

Я слушаюсь. Торопливо обегаю машину сзади и плюхаюсь рядом с Верой. Надеюсь, что как только машина тронется, она уснет. Верунчик меня не подводит. Она сонными глазками смотрит-смотрит перед собой, пока машина плавно трогается с места и едет куда-то не спеша, моргает и уже сладко посапывает.

Из моей груди громко вырывается облегченный вздох. Тут же ловлю на себе в зеркале заднего вида прищуренный взгляд голубых глаз. Немного успокоившись, я осмеливаюсь спросить:

– Вы так и не ответили вчера на два моих вопроса.

– Каких?

– Подтвердилось ли отцовство.

– Раз вы сейчас едете в моей машине ко мне домой с ребенком, значит, подтвердилось. Или вы уже не помните свои условия?

– Все я помню, но меня гложет червяк сомнения.

– Что-то он вас не беспокоил, когда вы с ребенком проникли в мой кабинет.

– Я тогда здраво не мыслила, – неловкость от своих поступков заставляет меня замолкнуть, но мое молчание длится недолго. Все же мне неизвестно, как отреагировала жена Коршунова на его внезапное отцовство.

– Ваша жена в курсе, что мы сегодня приедем?

– Моя жена должна вас волновать меньше всего.

– И все же я волнуюсь. Тут речь идет не обо мне, а малышке, которой нужны и папа, и мама.

– Думаю, что первый год вы отлично справитесь с ролью мамы. Ведь до года детям все равно, кто будет их без оглядки любить, а вы, как я думаю, очень любите свою племянницу. Иначе бы не пошли на такой безрассудный шаг.

– Тут можно поспорить, но я не буду. Значит, нас ждет не совсем радужный прием. Хотелось бы чувствовать себя комфортно в вашем доме, а не испытывать постоянный стресс из-за недовольства вашей супруги.

– Если вас мой ответ успокоит, то скажу, что в доме мы будем жить вчетвером. Вы, ребенок, я и моя домработница, на которой полно обязанностей.

– Э-э-э-э, а если не секрет, куда делать ваша жена?

Машина останавливается на светофоре. Мы встречаемся глазами. Смотрим друг на друга. Его взгляд непроницаем и холоден, а мой наверняка выдает меня с головой. Когда загорается желтый, Коршунов тихо отвечает:

– Пусть это будет для вас секретом.

5 глава

Коршунов ставит меня в неловкое положение. Он хранит молчание, а я из-за этого молчания накручиваю себе нервы. Вопросы все так же продолжают вертеться на кончике языка, но я прикусываю его. Нужно сначала осмотреться на новом месте.

Как и предполагала, дом Богдана Аркадьевича находится за городом, на закрытой территории коттеджного поселка. На въезде охрана, проверяет номера, пропускает машину. Безопасность впечатляет. Нестрашно ребенка выпустить на улицу погулять.

Подъезжаем к воротам, они сами открываются. Особняк воображение не поражает, но довольно милый и компактный. Ровный газончик, подстриженные кустарники, декоративный фонтанчик. Действительно все как с картинки.

– Фотографию вашего дома случаем не использует в каталоге по продаже местной недвижимости? Уж больно все идеально, аж не по себе.

– Предпочитаю личное не афишировать, но мне предлагали выкупить права на использование фотографий моего дома в буклетах, – Коршунов отстегивается и оборачивается к нам.

Смотрит на спящую Веруську. Мне даже кажется, что он улыбается, но мне кажется.

– К сожалению, комната для вас и малышки не подготовлена, поэтому пару дней вам придется ютиться в одной комнате.

– Мне не привыкать спать с Верой на одной кровати, так что никаких проблем.

– Вы спите вместе с ребенком? – удивление в голубых глаз – первое проявление каких-то эмоций с момента, как мы встретились.

– А что? – хмурюсь. – Это удобно. Корми я ее еще грудью, вообще был бы рай.

– Но это неправильно!

– Правила существую, чтобы их нарушать, а то помрешь от скуки. Вы, Богдан Аркадьевич, хоть раз нарушали правила? – пытливо смотрю в глаза.

Мой вопрос подразумевает интрижку с моей сестрой. Если он приехал за нами и привез в свой дом, значит, тест на отцовство положительный. Коршунов оказался порядочным мужчиной, ему скандалы не нужны. Они ведь негативно сказываются на бизнесе.

Но…

Где же жена? Она ведь не вещь на камине, от нее так просто невозможно избавиться. Или они развели тихо-мирно, никого об этом не известив, поэтому Богдан Аркадьевич замутил с молодой девчонкой в виде моей сестры?

– Думаю, нам стоит идти в дом, Ольга Петровна ждет с ужином, – Коршунов отводит глаза в сторону, отворачивается.

– Это теща?

– Это домработница. Я говорил.

– Я забыла.

Сначала из машины выходит Богдан Аркадьевич, я не жду, когда он проявит себя джентльменом, выскакиваю быстрее, чем мне открывают дверь. Меня награждают недовольным взглядом. П-ф-ф, напугал!

Верунчик просыпается. Тянет ручки, подгибает ножки и открывает глаза. Увидев меня, пытается улыбнуться своим беззубым ртом, но тут же начинает хмуриться. Я настораживаюсь, пытаясь понять причину смены настроения. Когда до моего носа доносится парфюм Коршунова, понимаю, что племяшка заметила на горизонте чужого подозрительного дядю. Я бы на ее месте тоже хмурилась.

– Кажется, я ей не нравлюсь, – замечает Богдан Аркадьевич.

– Я полностью разделяю ее чувства, – нагибаюсь и отстегиваю ремни, беру на руки малышку и смотрю на Коршунова.

– Я вам не нравлюсь? – звучит риторический вопрос, но я вопросом на вопрос отвечаю:

– А должны?

– Мы как минимум год будем жить под одной крышей, думаю, что нам стоит поладить.

– Поладим. К счастью, мне с вами детей не крестить.

– Кстати, а Вера крещенная? – внезапно Богдан Аркадьевич меняет тему.

– Нет. Не до этих формальностей было.

– Вы можете стать ей крестной мамой. Как вам идея?

– Идея отличная, но мы об этом поговорим позже, – примирительно улыбаюсь. – Веру нужно переодеть, – я опускаю слова «пахнущий памперс», стараясь не шокировать папашу подробностями, о которых он ни сном ни духом.

Коршунов, похоже, догадывается, о чем я умолчала. Жестом показывает на дом, как бы повелевая мне идти первой. Я тушуюсь и не спешу. Периодически оглядываюсь, наблюдая, как из багажника достают наши скромные пожитки.

– Смелее, или вы только эпизодично дерзкая и наглая?

Голубые глаза вспыхивают озорством, я аж спотыкаюсь от удивления. Меня придерживают за локоть. Вновь эти необъяснимые мурашки по всему телу. Спешно освобождаю руку и бодро преодолеваю три ступеньки. Тут же натыкаюсь на женщину в свободном брючном костюме цвета бирюзы.

Это домработница? Я без понятия, как должна выглядеть домработница, но если верить фильмам по федеральным каналам, то у них должна быть форма.

– Татьяна Павловна? – слышу удивленный голос Коршунова. Вряд ли бы он так удивился своей работнице.

Женщина окидывает меня оценивающим взглядом с ног до головы, на мгновение задерживается на Верунчике. Малышка ее не особо интересует. Переключает свое внимание на Богдана Аркадьевича.

– Здравствуй, Богдан. Проезжала мимо и решила заскочить к тебе в гости. Но кажется, не вовремя, – меня вновь осматривают.

Я ей не нравлюсь. Это заметно по выражению глаз, несмотря на то что женщина приятно улыбается.

– Ольга Петровна, покажите Надежде ее комнату, я позже занесу вещи, – командует Коршунов.

Замечаю Ольгу Петровну. Она не в форме, но в удобном костюме, и правда похожа на человека, на котором лежит забота о таком большом доме. Увидев меня и Веру на моих руках, расплывается в доброй улыбке, но тут же сама себя одергивает и становится серьезной.

Я не собираюсь стоять под прицелом недружелюбного взгляда незнакомой мне женщины, поэтому оборачиваюсь, забираю у Коршунова сумку для первой необходимости с новорожденным и ретируюсь на веранду.

– Богдан Аркадьевич про вас сегодня утром говорил. Меня зовут Ольга Петровна, – у домработницы приятный голос.

– Надеюсь, он обо мне говорил только хорошее, – я широко улыбаюсь и впервые чувствую, что не напрягаюсь рядом с человеком. – Меня зовут Надя, а это Верунчик, – поднимаю повыше малышку, чтобы Ольга Петровна полюбовалась маленькой прелестью.

Кажется, в этом доме я буду не одинока.

– Богдан Аркадьевич выделил эту комнату под детскую. Сказал, что позже займется обустройством, а пока как-то так, – Ольга Петровна смущается, а я не понимаю, чего она нервничает.

«Как-то так», конечно, не смахивает на уютную детскую, заставленную игрушками, но комната впечатляет размерами и большой кроватью. Тут еще своя ванная и своя гардеробная. Можно сказать, целая квартира. Кухни и прихожей только не хватает.

– Все нормально, – улыбаюсь, направляюсь в ванную. Верунчик пускает слюни, пытается улыбаться. Ей, похоже, весело, а вот ее тетушке не очень.

Пока привожу племяшку в порядок, мысли то и дело возвращаются к женщине, которая нас встретила на веранде. Чутье подсказывает, что, возможно, это свекровь. Вот тут и гадать не стоит, донесет дочери об изменениях в жизни зятя. Только вот где сама жена Коршунова?

– Ольга Петровна, а если не секрет, где супруга Богдана Аркадьевича? – спрашиваю, выйдя из ванной. Домработница полирует и без того блестящую поверхность комода.

– Вчера ночным рейсом улетела в Италию. Она искусствовед. Богдан Аркадьевич ее провожал.

Смотрит на меня с любопытством, а я прикусываю язык, едва сдерживаясь, чтобы не спросить, в каком статусе Коршунов меня выставил перед своей домработницей.

– Ясно.

Кладу Верунчика на кровать, играю с ее ножками, сюсюкаясь с малышкой. Ей нравится щекотка, дрыгает ножками. За нами наблюдает Ольга Петровна. Ее пристальное внимание напрягает. Похоже, я поспешила принять ее в свои союзники. Не удивлюсь, если будет сливать информацию своей хозяйке. Надо ведь быть в курсе дела, что дома творится.

– Она миленькая. Этому дому как раз не хватало детского смеха и топота ножек, – с грустинкой замечает домработница.

Я не реагирую. Меня должно меньше всего интересовать, почему в благополучной, обеспеченной семье нет детей. Даже если слова Коршунова правдивы, что он бесплоден, у них есть и финансы, и возможности этот диагноз подвергнуть сомнению. Я бы на месте супруги Богдана Аркадьевича все клиники мира объездила, чтобы родить от любимого человека.

Вопросов много, а ответов нет. Обсуждать личную жизнь своего «работодателя» с Ольгой Петровной не планирую. Присмотрюсь к ней пока.

В дверь стучатся, а затем медленно ее открывают. Входит Коршунов с нашими скромными пожитками. Невозмутимый. Спокоен. На его лице словно маска, никаких эмоций.

Неужели разговор с тещей прошел гладко и без скандала? Может, у них настолько хорошие отношения, что нет повода ссориться?

– Ваши вещи, – Богдан Аркадьевич ставит чемодан возле кресла и подходит к кровати. Засунув руки в карманы, разглядывает Верунчика. Она, маленькая паршивка, меняет гнев на милость, улыбается ему.

– Кажется, комната ей пришлась по вкусу, – нарушаю тишину. – Мне бы тоже по вкусу пришлись такие хоромы.

– Ваша комната напротив, – устремляет на меня немигающий голубой взгляд. – Или вы планировали спать с малышкой в одной комнате?

– Более того, планирую спать с ней в одной кровати.

– Это неприемлемо.

– Я вашу позицию, Богдан Аркадьевич, помню, но моя точка зрения от этого не изменится.

– А придется, – сердито на меня смотрит. – Вы, как наемный работник, обязаны подчиняться моим требованиям.

– Во-первых, я не ваш работник, – кошусь на притихшую Ольгу Петровну. Греет уши. – Вы меня официально не наняли. Во-вторых, я буду действовать в интересах малышки, а не правилам, которые порой травмируют сильнее, чем что-либо.

– Как раз по поводу найма я и хотел с вами поговорить.

– Давайте часика через полтора. Мне нужно скоро кормить Веру.

– Этим вполне справится Ольга Петровна. У нее есть опыт.

– У меня трое внуков, всех кормила, – подтверждает слова Ольга Петровна, делая шаг вперед.

Я поджимаю губы. Оставлять Верунчика не хочу. Пусть у меня нет материнского инстинкта, но я чувствую тревогу, когда малышка не в поле моего зрения. Особенно если она с теми, кому я совсем не доверяю.

– Хорошо, – скрепя сердце соглашаюсь.

Коршунову такой ответ приходится по вкусу. Он тут же разворачивается и уходит. Я показываю Ольге Петровне термос с бутылочкой. Она еще теплая, поэтому Вера не будет капризничать. Напоминаю, чтобы не заставляла малышку все съедать. Повторив еще раз, бегу за Богданом Аркадьевичем, который поджидает меня внизу возле лестницы.

– Сейчас вы изучите договор, где прописаны ваши обязанности, график работы и заработная плата. Если устроят условия, подпишите.

– А если не устроят, то что? У нас ведь есть уговор.

– Если не устроит, вы можете тут же покинуть этот дом, навещать племянницу по предварительной договоренности, когда нам будет удобно. Я не буду препятствовать вашим встречам, но я не позволю незамужней девушке находиться в моем доме непонятно в каком статусе!

– Вы когда-нибудь нарушали правила? – снова спрашиваю я и прищуриваюсь.

– Предпочитаю их соблюдать.

– Это так скучно.

– Зато спокойно.

6 глава

Кабинет Коршунова, как я и представила перед дверью, в идеальном, образцовом порядке. Кошусь на стеклянный книжный стеллаж. Корешок к корешку, каждая книжка по размеру другой книжки. Вот же педант! Аж тошно от его стремления к порядку.

Богдан Аркадьевич жестом указывает мне на стул возле массивного стола. Я присаживаюсь, кладу ладони на колени, как послушная ученица. Мимоходом смотрю на стол. Там тоже все в идеальном порядке.

– Вы действительно хотите меня оформить в качестве няни для Веры? – скептически приподнимаю бровь, разглядывая края стола. Не хочу, чтобы Коршунов видел в моих глазах пламя гнева. Я злюсь. Я правда злюсь из-за абсурдности предложения.

– Да, хочу, чтобы вы получали плату за то, что присматриваете за Верой. Пока она маленькая, ей нужен близкий человек, чуть позже наймем педагогов и квалифицированную няню.

– Ваши эти няни и педагоги не заменят родительского тепла, ласки и любви. Вере прежде всего нужно внимание.

– Вот первый год вы и обеспечите ее вниманием.

– Вы серьезно? – удивленно вскидываю брови. – Думаете, что после года малышке не нужна будет любовь?

– В Англии детей отправляют в интернат после десяти лет.

– А вы собираетесь в год. Не рановато ли? – улыбаюсь, а самой хочется свернуть шею этому бездушному деспоту, которому хочется избавиться от дочки, едва ее обретя.

– Вот ваш договор, – Коршунов берет папку с края стола, протягивает ее мне, игнорируя мой вопрос.

Нехотя беру договор, со скучающим видом открываю первую страницу.

Первый пункт касается внешнего вида.

– А чем вас не устраивают распущенные волосы? – вопросительно приподнимаю бровь, переводя взгляд на невозмутимое лицо Богдана Аркадьевича. Я мило отражаюсь в стеклах его очков. Рука так и тянется поправить прядь возле лица.

– Малышка будет хватать вас за волосы, причинять боль.

– Ерунда, но мне приятна ваша забота.

– А если она потянет ваши волосы в рот? – Коршунов брезгливо морщится. Я не сдерживаю смешок. Какой же наивный. Точно ранее не имел дела с детьми.

– Это самое безобидное, что она может сделать.

– Я против. Еще ваша одежда, – выразительно смотрит на видавшего вида футболки.

– А что с моей одеждой не так? Вы знаете, футболки намного практичнее носить, чем какие-то накрахмаленные блузки. Тем более Вера имеет привычку после еды срыгивать. А еще может сделать пахучую неожиданность, – по мере того, как округляются глаза Коршунова, я смачно описываю, как выглядят и пахнут детские сюрпризы.

– Достаточно! – глухо произносит Богдан Аркадьевич. Снимает очку, прикрывает глаза и сжимает переносицу. На секундочку мне становится его жалко. И пока он приходит в себя, я читаю дальше.

График работы для рабов. Выходных почти нет, только если очень заранее предупредить работодателя. Постоянно находиться возле ребенка, делать отчет в конце рабочего дня.

– Серьёзно? – не выдерживаю, захлопываю папку. – Смотря на вас, не подумаешь, что идиот, но читая эти абсурдные пункты, закрадывается подозрение, что у вас не все в порядке с головой.

– За ту зарплату, что я вам буду платить, имею право быть самодуром, – ровным голосом замечает Коршунов.

Я поджимаю губы, показательно листаю листы, вчитываюсь в сумму. Еще раз вчитываюсь и присвистываю, забывая о приличиях. Такая сумма мне только во сне снилась.

– Да за такие деньги можно не только волосы собрать в хвост, но и накрахмаленную блузку надеть, – я сладко улыбаюсь.

– Вы же понимаете, что при подписании договора не имеете права говорить вслух, что взбредет в голову. И вам придется соблюдать правила моего дома.

– Не ковыряться в зубах при важных гостях? – дерзко спрашиваю усмехаясь.

– Как минимум.

– А как максимум?

– Не влюбляться. В меня.

Лишь бы не рассмеяться. Но смех рвется из меня, как бы я не пыталась его сдержать. В конце концов, не выдерживаю и начинаю хохотать. Мне требуется минута, чтобы от души повеселиться над условием. Посмеиваясь, склоняю голову и иронично смотрю на серьезное лицо Коршунова.

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Даже если вы будете единственным мужчиной на земле, влюбиться в вас мне не грозит, – откидываюсь на спинку стула и скрещиваю руки на груди. – Я не люблю дотошных педантов и скучных мужчин, которые только и знают, как жить по правилам.

– Надежда…

– Викторовна, – очаровательно улыбаюсь. – Мы же должны соблюдать субординацию.

– Так вот, Надежда Викторовна, – Коршунов смотрит сурово, как начальник на подчиненного, который уже где-то накосячил. – Если вы принимаете условия и согласны с заработной платой, можете подписать договор, – мне протягивают ручку.

Я прищуриваюсь.

– А я могу получать плату и оставаться тут в качестве любимой тетушки? – ручку забираю, отодвигаю стакан для ручек, с ним же двигаю перекидной календарь. Богдан Аркадьевич морщится, недовольно поджимает губы.

– Нет.

– Почему? Мне ваша честь и фамилия ни к чему, влюбляться без оглядки точно не буду, – усмехаюсь. – Вы не в моем вкусе. Наверное, уже поняли.

– Вы подписываете? – давит взглядом и тоном.

Я на секунду задерживаю взгляд на его лице. Высокие скулы, гладко выбритые щеки, глаза насыщенного оттенка голубого цвета. Ресницы бомба, на зависть девушкам. Его даже не портят эти чертовы очки.

Сдержанный. Безукоризненный. Идеальный. Скучный.

Зря Коршунов переживает, что я в него влюблюсь. Этого даже в страшном сне не произойдёт. Я нахожусь в его доме из-за Верунчика. Не знаю, на чем сошлись Богдан Аркадьевич и Лида, они как лед и пламя, зато итогом их недолгих отношений стала милая очаровательная малышка, которая сейчас, наверное, посапывает.

Единственное, мне до сих пор не по себе от того, что я не понимаю, где его жена. На самом деле уехала, как сказала домработница? Лезть к Богдану Аркадьевичу с таким личным вопросом не позволяет воспитание. Любопытство и беспокойство тревожат не на шутку.

– Вы будете принимать участие в воспитании Веры или будете полагаться только на меня?

– По возможности я буду стараться уделять Вере внимание. Декретный отпуск мне никто не даст, – на его губах впервые за весь разговор появляется улыбка. Правда, тут же исчезает. Он словно вспомнил, что не должен улыбаться.

– А ваша жена будет участвовать в жизни Веры или будет наблюдать со стороны?

Этот вопрос Коршунову не нравится. Я это понимаю сразу по потемневшему взгляду. Он не рявкает, не напоминает мне мое положение, но и не отвечает. А я намерена получить ответ. Богдан Аркадьевич вздыхает.

– Моя жена вчера улетела в долгосрочную командировку. Боюсь, что ее ближайший год не будет в стране.

– То есть Вера будет расти без мамы?

– Почему же? – иронизирует Коршунов. – У нее есть биологическая мать, которую черт знает где носит. Я очень жажду с ней встретиться, – возникает пауза. Я нервно ерзаю на стуле. – Рассчитываю, что Лида рано или поздно объявится.

– И? – подаюсь вперед, находясь в не мысленном напряжение от разговора.

Я начинаю подозревать, что сестру объявили в розыск. И если мне отказали в поисках, то такому человеку, как Коршунов, который при деньгах, пропавшего без вести достанут из-под земли.

– Я не собираюсь на ней жениться, – опять иронизирует, а мне не до смеха.

Богдан Аркадьевич понимает по моему лицу, наверное, что я не способна нормально оценивать шутки.

– Ваша сестра в любом случае объявится, вопрос времени. Когда она появится, буду договариваться, чтобы Вера осталась со мной. Все равно ребенок ей особо не нужен, раз она сумела его оставить в детском доме и исчезнуть.

– Вы заставите ее отказаться от прав?

– Конечно. Сначала добровольно, а если не согласится, то добровольно-принудительно. Мои юристы смогут это дело решить в мою пользу.

У меня шумит в голове. Я толком ничего не слышу, только понимаю, что Коршунов однажды выкинет меня из жизни Верунчика и запретит с ней видеться, разорвет наши кровные связи. Он сможет. Теперь понятно, отчего договор всего лишь на год.

– Но вы, Надежда Викторовна, можете не переживать по поводу ваших встреч с Верой. Вы ее не оставили в детском доме, вы ее привезли в столицу на свой страх и риск, каким-то чудом меня нашли и добились своего. Этого многого стоит. Я вам благодарен. Если бы не вы, я никогда не узнал, что у меня есть дочка.

Почему у меня стойкое ощущение, что «дочка» – это та самая ложка дегтя в медовой бочке?

– Надежда Викторовна, вы меня слышите? – Коршунов проникновенно заглядывает глаза, похоже, пытается считать мои мысли. Только мои мысли не поддаются прочтению.

– Слышу-слышу, – бормочу я.

Окончательно сдвинув в сторону все, что мешает мне на столе, расписываюсь. С громким звуком засовываю ручку в стакан, а бумаги протягиваю уже своему начальнику.

– Какие у вас пожелания в воспитании? – сразу включаю деловой тон. У меня нет педагогического образования, но даже я понимаю, что каждый родитель хочет максимально развивать своего малыша.

– В каком смысле? – вот Богдан Аркадьевич далек от темы детей. Он вообще не догоняет, что я его сейчас спрашиваю.

– Вера сейчас маленькая, но это не значит, что с ней нельзя заниматься. Можно начать с грудничкового плаванья в бассейне. Конечно, ездить в город далековато, но ничего страшного. В полгода можно включить какие-то развивашки. А еще я читала на форумах, чтобы ребенок знал несколько языков, дома нужно разговаривать еще на каком-то, кроме родного. Вы знаете китайский?

– Почему китайский? – Коршунов наводит порядок на столе. Все вещи занимают свои законные места. Я едва сдерживаюсь от усмешки.

– Он перспективный. Еще арабский. Потом немецкий. А английский можно чисто разговорный, так как на нем почти весь мир говорит.

– Китайский я не знаю, но свободно говорю на немецком и английском.

– Отлично, тогда за завтраком и вообще наедине с Верой вы можете с ней общаться на одном из них. Позже вы наймете педагога носителя, чтобы язык не перестаивался, а получал постоянную практику. В идеале няню можно пригласить из Германии.

– Вы серьезно? – красивые голубые глаза Коршунова становятся огромными.

– Конечно, серьезно. А спорт? Вы каким спортом занимаетесь? – придирчиво присматриваюсь к мускулам Богдана Аркадьевича, которые не вырисовываются в рубашке.

– Вообще или конкретно одним?

Замечаю, как ему внезапно становится интересно обсуждать со мной тему образования Веры. Его быстрая включенность в беседу моментально меня подкупает, словно он только что мне на счет перевел полмиллиона рублей. Какая я, оказывается, продажная.

– У вас несколько видов спорта любимых?

– Я люблю серфинг и сноуборд.

Коршунов меня шокирует. Глядя на него, я с трудом его представляю с доской в океане или среди снега. Образ скучного очкарика никак не вяжется с образом брутального серфа или сноубордиста.

– Почему вы удивлены? – Богдан Аркадьевич внимательно меня разглядывает. Я стараюсь быстро прийти в себя.

– Вы не похожи на человека, который любит экстрим. Я думала, вам нравятся шахматы.

– Если вы считаете, что шахматы – это скучно, то ошибаетесь. Там нужно думать.

– То-то я и вижу, как вы хорошо думаете, когда связываетесь с девушками, будучи женатым.

Язык – мой враг. Благодушная атмосфера в кабинете, которая царила несколько минут, моментально испаряется. Коршунов поджимает губы и откидывается в кресле. Я уже жалею, что ляпнула не подумав. Лучше вообще не затрагивать тему его измены. Как неловко, блин, вышло.

– Давайте, Надежда Викторовна, договоримся, что вы с этого дня больше не смеете упоминать про измену. Одно слово по этой теме, и вы будете немедленно уволены, не посмотрю даже на то, что вы тетя моей дочери.

Коршунов чеканит каждое слово холодным тоном. Я морщусь после каждой паузы, разглядывая края стола. Правда, какое мне дело до прошлого, главное настоящее и будущее Веры. Мне нужно за год собрать вокруг нее преданную команду педагогов, которые ни на минуту не дадут ей почувствовать себя одинокой рядом с таким сдержанным до эмоций отцом. Сдается мне, что мамы ни в лице сестры, ни в лице его жены на горизонте малышки не будет.

– Богдан Аркадьевич, этого больше не повторится.

– Хорошо. Значит, я могу рассчитывать, что вы мне предоставите план развития Веры. В идеале было бы прекрасно на несколько лет, но надеюсь, что вы распишите хотя бы на год.

– Хорошо, – вновь послушно соглашаюсь, складываю руки на коленях.

– По поводу комнаты для малышки. Она сейчас совершенно неподходящая для ребёнка, поэтому свяжитесь с дизайнером и составьте проект на детскую. Хочу, чтобы за месяц все сделали, а пока я разрешаю вам ночью быть с Верой в одной комнате, но малышка должна спать в своей кроватке. Поэтому кроватку купите в первую очередь.

– Я? Я должна купить? Не кажется ли вам, что это не входит в обязанности простой няни? Этим должна заниматься ваша жена.

– Моей жены дома не будет год, поэтому будьте так любезны взять на себя это дело. Если вам так важно мнение моей супруги, я могу предоставить ее контакты, и вы обсудите дизайн детской для Веры.

– Э-э-э, спасибо, но не надо, справимся без нее. А если вашей супруге по возращению не понравится дизайн, его легко будет переделать, ведь чего-чего, а денег у вас куры не клюют.

– Но и с неба не падают.

– Меня утешает, что ваша супруга знает о Вере. Я по этому вопросу беспокоилась.

Коршунов как-то криво улыбается. Разглядывает заточенные концы карандашей. Я тоже их разглядываю. Жду, когда мне разрешат покинуть кабинет и приступить официально к своим обязанностям. Учитывая, сколько всего мне поручили, я неделю точно буду загружена по самую макушку. Еще чувствую ответственность за все свои дальнейшие действия, поэтому больше никаких импульсивных поступков и реплик.

– Я могу идти? – с какой-то странной робостью спрашиваю. Коршунов кивает. – Когда вам нужно предоставить план развития Веры? И еще, я ноутбук свой не брала, а он мне потребуется для работы.

– Ноутбук, как и пароль от вай-фая, я вам предоставлю. Два дня вам для составления плана хватит? – с сомнением смотрит на меня.

Я упрямо приподнимаю подбородок. Спать не буду, но за два дня составлю идеальный план для Верунчика.

– Хватит.

– Тогда вы свободны.

Я разворачиваюсь и ретируюсь из кабинета, а между лопатками нестерпимо жжет. Смотрит вслед? Зачем? Да какая, к черту, разница. Главное, что добилась своего! Но чего-то эта мысль меня совершенно не успокаивает, более того, внутри я по-прежнему ощущаю непонятную тревогу.

7 глава

Когда перед тобой четко поставлена задача, твое дело распланировать, как ее сделать и понять, что для решения нужно. Поэтому, мучаясь бессонницей в первую ночь в доме Коршунова, я шуршу на всех форумах мамочек и беременных.

Узнаю много нового, начиная с развития малышей, заканчивая тем, какой горшок лучше для приучения к ходьбе без памперсов. Хотя, думаю, что Коршунов не обеднеет, если его чадо пробудет в памперсах до года.

Верочка, в отличие от тетушки, сладко спит посреди большой кровати. Просыпается строго через каждые три часа для кормления. Побегав пару раз со второго этажа на первый для разведения смеси, я закинула в корзину интернет-магазина электрический подогреватель для бутылочек. Одно дело дойти из комнаты до кухни и развести бутылочку, там от силы метров пять, другое – бегать по особняку, развивая скорость и выносливость, которых отродясь не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/kostrova_valentina/syurpriz-dlya-big-bossa

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити